

К 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-3-9-22

УДК 821.161.1

Т.В. Краюшкина

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук,
690001 г. Владивосток, Российская Федерация

Традиционные представления о женском труде в русских народных волшебных сказках и сказках А.С. Пушкина

Аннотация. Цель данной статьи – выявление традиционных представлений о женском труде, реализованных в русских народных волшебных сказках и сказках А.С. Пушкина. Методами исследования стали описательный, структурно-типологический, структурно-семантический, метод сравнительно-сопоставительного наблюдения. На материале русских сказок из сборников А.Н. Афанасьева и А.Н. Толстого, а также сказок, зафиксированных в XX – начале XXI в. на Русском Севере, в Сибири, на Дальнем Востоке, от потомков русских эмигрантов в Маньчжурии, выявлены основные трудовые навыки девочек, девушек на выданье и замужних женщин. Показано, что каждой возрастной категории и определенному семейному статусу соответствует конкретный набор трудовых навыков. Традиционные представления о труде, реализуясь в том или ином мотиве, активно задействованы в развитии сюжетной линии, работают на создание положительных женских персонажей (при этом труд как признак отрицательных женских персонажей для народной сказки не характерен). Ряд трудовых навыков, о которых говорится в сказках, подтверждается этнографическими примерами. В качестве материала из сказок А.С. Пушкина выбраны те четыре, в которых упоминается женский труд. В них изображен труд и главных, и второстепенных героинь; представления о женском труде оказываются значимыми при создании сюжетов и образов. Русский гений в свои произведения точно и четко вписал традиционные представления о женском труде, присущие русскому народу. Так, его героини содержат дом в порядке, готовят пищу, занимаются рукоделием, прислуживают. Делаются выводы о том, что сказки А.С. Пушкина готовят читателя к восприятию литературы других, более сложных, жанров, являя общность духовно-нравственных ценностей фольклора и русской литературы.

© Краюшкина Т.В., 2024

Ключевые слова: значимость трудовых навыков в сказках, традиционные духовные ценности, русская сказка, А.С. Пушкин, женские образы в русских сказках, преемственность русской литературы

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Краюшкина Т.В. Традиционные представления о женском труде в русских народных волшебных сказках и сказках А.С. Пушкина // Литература в школе. 2024. № 3. С. 9–22. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-3-9-22

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-3-9-22

T.V. Krayushkina

The Far Eastern Branch of Russian Academy
of Sciences Institute of History, Archaeology and Ethnology,
Vladivostok, 690001, Russian Federation

Traditional ideas about women's labor in Russian folk fairy tales and fairy tales by A.S. Pushkin

Abstract. The purpose of this article is to identify traditional ideas about women's work, implemented in Russian folk fairy tales and fairy tales by A.S. Pushkin. The research methods are as following: descriptive, structural-typological, structural-semantic, and the method of comparative observation. Based on Russian fairy tales from the A.N. Afanasyev's and A.N. Tolstoy's selections, as well as fairy tales recorded in the 20th – early 21st centuries in the Russian North, in Siberia, in the Far East, from the descendants of Russian emigrants to Manchuria, the basic skills in working of girls, girls of marriageable age and married women were identified. It is shown that each age category and a certain family status corresponds to a specific set of skills in working. Traditional ideas about labor, realized in one motif or another, are actively involved in the development of the storyline, working to create positive female characters (while labor as a sign of negative female characters is not typical for folk tales). A number of labor skills mentioned in fairy tales are confirmed by ethnographic examples. As material from fairy tales by A.S. Pushkin, those four are selected in which female labor is mentioned. They depict the work of the main and secondary heroines; ideas about women's work turn out to be significant when creating plots and images. The Russian genius accurately and clearly included in his works the traditional ideas about women's labor inherent in the Russian people. Thus, his heroines keep the house in order, cook food, do handicrafts, and serve. Conclusions are drawn that the tales by A.S. Pushkin prepare the reader to perceive the literature of other, more complex genres, demonstrating the commonality of spiritual and moral values of folklore and Russian literature.

Key words: importance of skill in working in fairy tales, traditional spiritual values, the Russian fairy tale, A.S. Pushkin, female images in Russian fairy tales, succession of the Russian Literature

CITATION: Krayushkina T.V. Traditional ideas about women's labor in Russian folk fairy tales and fairy tales by A.S. Pushkin. *Literature at School*. 2024. No. 3. Pp. 9–22. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-3-9-22

Труд – один из основополагающих компонентов русской традиционной картины мира. Представления о нем реализуются на всех стадиях существования устного народного творчества: в раннетрадиционном фольклоре (например, в трудовых песнях), классическом устном народном творчестве (в обрядовом фольклоре, поговорках, сказках, детском фольклоре), познетрадиционном фольклоре (в частушках, песнях периода Гражданской войны). Безусловно, для воспитания подрастающего поколения особый интерес из перечисленных жанров представляют сказки. Авторская сказка, продолжающая традицию народного жанра, в той или иной мере транслирует и свойственную фольклорной сказке картину мира. Наиболее полно русская традиционная картина мира отражена в сказках А.С. Пушкина, которому в 2024 г. исполняется 225 лет. Юбилей – еще одна возможность прикоснуться к творчеству русского гения, оценить его значение для великой русской литературы.

Система образов волшебной сказки формировалась под влиянием патриархального быта. По этой причине значительное внимание в указанном жанре отведено мужским персонажам. Меньшим количеством в образном фонде русской сказки представлены женские персонажи:

это безымянные царевны на выданье, Василиса Прекрасная и Елена Премудрая, сиротка и чудесная помощница, родная мать и злая мачеха, сестра-антагонистка и мачехина дочка, баба Яга и бабушка-задворенка. Несмотря на значительное разнообразие женских ролей, различие в социальных статусах, ту или иную отнесенность к возрастным категориям перечисленных персонажей, они в полной мере вписаны в систему представлений русского народа о женском труде. Схожая картина наблюдается и в авторских сказках, в основу которых положены сюжеты и образы сказок народных.

Цель данной статьи – выявление традиционных представлений о женском труде, реализованных в русских народных волшебных сказках и сказках А.С. Пушкина. При этом не ставилась задача проанализировать многочисленные фольклорные источники, обнаружить все многообразие сюжетов и мотивов, связанных с женским трудом. Материалом для исследования послужили ставшие классическими сказки из сборника А.Н. Афанасьева, сказки в обработке А.Н. Толстого, а также русские региональные сказки, зафиксированные в XX – начале XXI в. В качестве материала из сказок А.С. Пушкина были выбраны те четыре, в которых упоминается женский труд. Методами исследования стали

описательный, структурно-типологический, структурно-семантический, метод сравнительно-сопоставительного наблюдения.

Обращение к теме традиционных духовных ценностей – актуальная задача российской гуманитарной науки. Время испытаний выявило в научном поле лакуну, требующую дополнительного осмысления. Эта лакуна связана с консолидацией и актуализацией духовных ценностей народа, с осознанием их жизненности, восприятием традиционных духовных ценностей как крепкого фундамента, точки опоры для сохранения народа, языка, культуры. Актуальность темы исследования в практическом (и одновременно масштабном) плане связана с необходимостью воспитывать подрастающее поколение в русле традиционных ценностей. Именно сказка на протяжении столетий была одним из основных трансляторов системы духовных ценностей, велика ее роль и в настоящее время.

Труд в традиционном сознании является основой сохранения жизни конкретного человека и его семьи: выкормить детей и вырастить из них достойных людей могут только те родители, которые сами приучены к труду. В крестьянской семье выполнять посильную работу должны были все ее члены, за исключением самых маленьких или немощных. Только так семья могла выжить. Поэтому русский народ приучал сыновей и дочерей трудиться сызмальства: уже в три-четыре года маленькие дети пасли гусей, дети постарше нянчили младших братьев и сестер, подросшие дети относили старшим родственникам, занимающимся сельскохозяйственными работами, обед.

Мотивы заботы старших по возрасту детей о малышах появляются в волшебных сказках. Так, качает в колыбели младенца Василия Бесчастливого дочка Марко Богатого (461 *Марко Богатый*)¹, оставлена присматривать за младшим братцем героиня сказки «Гуси-лебеди» (480А* *Сестра (три сестры) отправляется спасать своего брата*). Мать говорит дочери: «Мы пойдем на работу, принесем тебе булочку, сошьем платице, купим платочек; будь умна, береги братца, не ходи со двора» [1]. Девочка забывает наказ матери. Прилетают гуси-лебеди и похищают мальчика.

Вдумчивый читатель увидит в процитированном фрагменте и предложение женской части работы именно от матери, которая нянчила малыша, когда была с ним рядом, подросшей дочери, уже способной выполнять эту задачу, и обещание неперменной награды за выполненный труд, такой, что будет оценена маленькой девочкой. При этом ответственность за порученный ей и невыполненный труд героиня не перекладывает на старших: она не ждет родителей или не ищет помощи у соседей, сама торопится исправить ситуацию, возникшую по ее вине.

Если родители умирали, то забота о младших полностью ложилась на старших детей, уже способных самостоятельно добывать хлеб: «Пошла Алenuшка на работу и братца с собой взяла» [19, с. 265] (450 *Братец и сестрица*). Эта ситуация представлена в сказке как естественная: сестра

¹ В статье использованы обозначения, принятые в фольклористике при описании сюжетов восточнославянских народных сказок (см.: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабачников, Н.В. Новиков. Л., 1979).

заботится о младшем брате, не тяготеет тем, что вынуждена кормить и его. Более трагичной изображена ситуация, когда в семье умирает мать, а вдовец женится повторно на вдове с детьми. Так в сказках о мачехе и падчерице появляется мотив непосильного женского труда: «Мачеха своих (дочерей – Т.К.) жалела, а старикову сиротинку просто изнуряла. Работы надает и заставляют пасти Буренушку» [14, с. 93] (511 *Чудесная корова*). Падчерица умеет вести хозяйство, что высоко ценилось в народе: «Очень важной считалась репутация жениха и невесты в отношении труда – работающие ли они. <...> И горе молодежи той семьи, которая обрела репутацию ленивой» [4, с. 351].

В жизни русского крестьянства бытовал такой обычай: «Поочередно женщины бывали “деньщицами”. Так называлась та женщина, которая в данный день выполняла все основные работы по дому: топила печь, готовила еду, “набирала на стол”, мыла посуду, кормила кур и свиней, доила коров» [Там же, с. 344]. Носители традиционного сознания видели в описанной сказкой ситуации нарушение модели трудового поведения в семье: мачеха перекладывает свою работу по дому на падчерицу и так нарушает предками сформированные устои. Поэтому осуждается не труд, а та, кто нарушает установленное обычаем распределение труда. В сказке отношение русского народа к непосильному труду весьма однозначно, находится и способ решить эту задачу. У героини появляется помощница, которая выполняет за нее работу. Буренушка жалеет сиротинку: «Ты, девочка, мне в право ухо влезь, в лево вылезь – вся работка твоя будет сроблена! А сама-то

ляг да усни» [14, с. 93] (511 *Чудесная корова*). Мачеха удивляется тому, что вся работа оказывается выполненной, и задает на следующий день еще больший объем работы. Значимо следующее: труд может выступать способом известить героиню, но никогда труд в русской сказке не является наказанием за проступок. Подобное отношение русского традиционного сознания к труду, представленному в волшебной сказке, не характерно.

Если же мотив женского труда способствует проявлению душевных качеств героини, то в этом случае необходимости в помощнице нет, а женскую работу героиня выполняет самостоятельно (480 *Мачеха и падчерица*). Так труд показывает и навык падчерицы к ведению домашнего хозяйства, и ее способность к смирению – одному из тех душевных качеств, которые высоко ценил русский народ в женщине. Мачеха велит старику отвезти его дочь зимой в лес, надеясь, что героиня в лесу погибнет. Девочка попадает в лесную избушку, прибирает дом, варит кашу, а потом ухаживает за бабой Ягой, оказавшейся хозяйкой избушки. В награду за трудолюбие и смирение девочка получает от бабы Яги богатые подарки. Но это не просто подарки – это приданое, ключ к безбедной жизни. Героиня после пройденного испытания получает «полон воз добра» [15, с. 50] или еще и сама оказывается богато одета: «в собольей шубе, вся в золоте, в серебре» [19, с. 282]. «До замужества девицы работали только “на себя”, т.е. пряли, ткали, шили, вышивали свое приданое и свою девичью одежду. Либо делали что-либо на продажу с той же целью: купить ткань, одежду, обувь, украшения или отделку» [4, с. 344]. Современный читатель

обращает внимание на богатые дары и упускает из виду мысль, которая была очевидна носителю традиционного сознания: подарок выполняет еще одну очень ценную функцию. Так падчерица награждена не только богатством, а еще и сохранением ее усилий, которые были бы потрачены на подготовку приданого.

Мачехи в сказках «упорствуют в своей ненависти к падчерице, проявляя удивительную слепоту по отношению к собственной дочери, обычно лентяйке и грубиянке» [21, с. 66]. Вслед за падчерицей в лесную избушку отправляется мачехина дочка. Но она являет совсем другие качества – нежелание трудиться и отсутствие смирения. В наказание баба Яга убивает девушку. Так леность и грубость получают свою страшную награду.

Замужние женские персонажи прядут, шьют, ухаживают за скотом, носят воду, собирают грибы, заготавливают овощи, пекут, т.е. занимаются всеми теми ежедневными делами или сезонными работами, которые были жизненно необходимы в крестьянском быту и благодаря которым муж, дети и другие члены семьи были накормлены и одеты. В сказке эти трудовые навыки, становясь мотивами, обязательно вплетаются в канву повествования. Происходит подобное, например, и с приготовлением пищи. Так на свет появляется Мальчик с пальчик: «Раз старуха рубила капусту и нечаянно отрубила палец. Завернула его в тряпку и положила на лавку. Вдруг услышала – кто-то на лавке плачет. Развернула тряпку, а в ней лежит мальчик ростом с пальчик» [19, с. 279] (700 *Мальчик с пальчик* (*Горошек, Волowie ушко*)).

Упоминается в сказках и женский труд, результат которого предназначался для других людей. Так, в сказках порой говорится о шитье свадебного наряда для девушки, что готовится к свадьбе с мужем, забывшим свою жену. И шьет свадебный наряд именно первая жена. «Она решила сшить себе белое кисейное платье и веночек. Узнала жена, что ее муж затевает жениться, затосковала, но платье и веночек сделала в срок» [20, с. 48] (222В *Война птиц и зверей* и 313А, В, С *Чудесное бегство*).

Жена Федота-стрельца, видя, с каким трудом ее муж добывает им пропитание, решает ему помочь. Она тклет ковер сама или вызывает помощников, которым отдает приказ: «Возьмите вот этот шелк и за единый час сделайте мне ковер, да такой чудный, какого в целом свете не видывано; а на ковре бы все королевство было вышито, и с городами, и с деревнями, и с реками, и с озерами» [1]. Подобный мотив подтверждается и этнографическими наблюдениями: «Из льна, конопля, а также шерсти женщины на простых ручных станках изготовляли холсты, сукна, ковры, поневы, ткани не только для домашнего употребления, но и на продажу...» [9, с. 62].

Необходимо отметить и особую функцию, которую выполняет мотив женского рукоделия в сказке (например: 432 *Финист ясный сокол*). Завистливые сестры разлучают Марью-запечельницу с Финистом-ясным соколом. Героиня отправляется на его поиски. По дороге старушка дает Марье чудесные рукодельные инструменты – «золотое веретешечко, да какую-то прялку, такую хорошую» [16, с. 267]. Старушка учит героиню продемонстрировать другим эти

чудесные вещицы: «Ты не прядешь, а у тебя само вертится и на веретешечко» [16, с. 267]. Позже веретено и прялка становятся платой за разрешение Марье-запечельнице от второй жены героя с Финистом-ясным соколом ночь переночевать. Так Марья воссоединяется со своим супругом.

Но труд выполняет в сказке и еще одну важную функцию – испытания, женского соревнования. Например, в сказке на сюжет 402 *Царевна-лягушка* царские сыновья приводят во дворец своих жен – боярскую дочь, купеческую дочь и царевну-лягушку. Царь хочет испытать невесток и ставит им две задачи из трех, связанные с женским трудом: испечь хлеб (или пирог), сшить сорочку. Вот как царь оценивает пирог, который испекла для него жена старшего сына: «Не могу я его кушать, твой пирёжок. Отнеси его, скорми скотине!» [17, с. 39]. Самый лучший хлеб и самая лучшая сорочка оказываются изготовлены самой неказистой невесткой – царевной-лягушкой.

Но испытания, связанные с трудовыми навыками, могут быть адресованы и герою. Тогда на помощь ему приходит чудесная супруга (313А, В *Чудесное бегство*). Например, за ночь нужно построить дворец, «за одну ночь посадить вокруг того дворца сад, чтобы ко дворцу шел – яблони цвели, обратно шел – яблоки висели» [20, с. 47] или испечь огромную гору бубликов: «...она хлопнула в ладоши, явились ей те двенадцать девушек, она им сказала, чтоб к утру дворец был готов.

Утром проснулся он (герой. – Т.К.), а перед ним хрустальный дворец готов, на солнышке сверкает» [Там же].

Волшебной сказке известны второстепенные персонажи, выполняющие роль прислуги. Как правило, они встречаются в царском дворце. Но их деятельность и отношение их к этой деятельности интереса для сказки не представляют. Для нее важно зависимое положение прислуги от хозяев. К примеру, в сказке на сюжет 566 *Рога* муж, желая наказать жену, продает чудесные яблочки, одни из которых способны наделить красотой, а другие – обезобразить. Жена посылает прислугу за фруктами: «Она прислугу послала:

– Купи-ка яблочки, там солдат яблочки продает» [Там же, с. 38].

Но со временем появляется в сказке и мотив наемного женского труда, который начинает осмысляться и характеризоваться, становиться признаком героини. В проанализированных текстах он описывается нейтрально, на уровне констатации, как достойное женское занятие, никаких конфликтных ситуаций между хозяином и работницей не возникает. При этом хозяин отчасти приближается к образу такого типа персонажей, как помощник. Безручка, чей муж уехал на службу, рождает двух чудесных сыновей. Ее свекор и свекровь пугаются необычных детей и отвозят невестку с детьми в лес. Героиню с детьми нагоняет хозяин пивной, который «вез пиво на подводе».

«– Куда ты, женщина, идешь?

– Да иду, куда дойду, хоть и прислугой стану.

– Иди ко мне, будешь бутылки мыть.

Пришла к нему. Живет год, второй. Он ее полюбил и деток любит» [Там же, с. 35] (*706 Безручка*). Судя по контексту, речь идет о любви к героине как о любви к сестре.

Транслируют традиционные представления о женском труде и сказки А.С. Пушкина. В.Г. Белинский писал о них в 1836 г.: «Самые его сказки – они, конечно, решительно дурны, конечно, поэзия и не касалась их <...>. Мы не можем понять, что за странная мысль овладела им и заставила тратить свой талант на эти поддельные цветы. Русская сказка имеет свой смысл, но только в таком виде, как создала ее народная фантазия; переделанная же и прикрашенная, она не имеет решительно никакого смысла» [3, с. 469]. Спустя почти полтора столетия В. Непомнящий формулирует значение сказок русского гения, полностью опровергая мнение В.Г. Белинского: «Обратившись к сказкам, Пушкин обратился прежде всего к русской поэтической стихии, сконденсировавшей веками накопленные и проверенные моральные ценности народа, его этическую философию; к фольклору, хранящему национальные нравственные устои» [11, с. 144]. Т.В. Зуева, определяя главную проблему творчества А.С. Пушкина, отмечала: «Поэт старался проникнуть в “мысль народную”, связанную с ответом на эти вопросы (поиска красоты и смысла жизни. – Т.К.), уловить ее в фольклоре» [5, с. 31]. И труд как духовная ценность и составляющая смысла жизни русского народа нашел свое воплощение в сказках А.С. Пушкина.

Из девяти сказок, написанных А.С. Пушкиным, мотив женского труда упоминается в четырех. Это поэма «Руслан и Людмила» (1818) (исследователи рассматривают ее в числе сказок [Там же, с. 17–38]), «Сказка о царе Салтане...» (1831), «Сказка о рыбаке и рыбке» (1833), «Сказка

о мертвой царевне и о семи богатырях» (1833). В основе сюжетов произведений великого поэта – русские народные сказки, западноевропейский и восточный фольклор. «Последовательно он отбирает те сюжеты, в центре которых стоит тема любви и семьи» [Там же, с. 66]. Т.В. Зуева подчеркивала: «Сказочные сюжеты могут повторяться у разных народов, но при этом стиль сказки будет всегда национальным» [Там же, с. 58]. Национальным будет и осмысление человека и его быта, связанных с ними мотивов, вне зависимости от того, что перед нами – результат народного творчества или же авторское произведение. К числу подобных мотивов относится и мотив женского труда.

В поэме «Руслан и Людмила» женский труд имеет отношение лишь к второстепенным женским образам. Главная героиня никаких действий, которые могут быть расценены как женский труд, включая и рукоделие, не совершает. Впервые о женском труде сообщается в песни второй: Людмила уже похищена Черномором, утром перед ней являются «три девы, красоты чудесной» [12, с. 22], причисывают ее и облачают. В этом эпизоде упоминается еще одна героиня, которую не видно, но слышно: «Меж тем незримая певица / Веселы песни ей поет» [Там же, с. 23]. Служанки и их труд – показатель особого положения похищенной Людмилы. Вечером три девицы готовят главную героиню ко сну.

В песни четвертой возникает еще одна группа девиц. В их тереме появляется Ратмир. Героини берут коня молодого хана, помогают витязю разоблачиться, а после уводят его в баню:

Вкруг хана девы молодые
Теснятся резвою толпой.
Над рыцарем иная машет
Ветвями молодых берез,
И жар от них душистый пашет;
Другая соком вешних роз
Усталы члены прохлаждает
И в ароматах потопляет
Темнокудрявые власы.

[12, с. 50]

Внимание молодых красавиц помогает Ратмиру забыть «Людмилы пленной / Недавно милые красы» [Там же].

Мотив женского труда в «Сказке о царе Салтане», пожалуй, более чем в других сказках А.С. Пушкина, значим для развития сюжета и создания женских образов. Начинается сказка с беседы трех девиц, занимающихся рукоделием: «Три девицы под окном / Пряли поздно вечерком» [13, с. 649]. Каждая из героинь озвучивает, что она смогла бы дать царю, если бы именно она стала царицей. Первая говорит о своем навыке кухарки и его одноразовой масштабной реализации: «на весь крещеный мир / Приготовила б я пир» [Там же, с. 649], вторая – о навыке ткачихи: «на весь бы мир одна / Наткала я полотна» [Там же, с. 650]. Отметим, что во время беседы занимаются сестры совсем другим видом рукоделия – они прядут. Обещания героинь не подтверждаются демонстрацией их особых женских рукодельных талантов. Е.М. Неёлов усматривает в предложениях старших сестер «царю и его царству лишь материальные ценности <...>. А мир, в котором главные ценности прогресса – лишь материальные, то есть количественные, а не духовно-качественные, неминуемо порождает зависть и ею питается» [10, с. 154].

Младшая же сестра сообщает не о своем трудовом навыке, а о способности, связанной с продолжением рода: «Я б для батюшки-царя / Родила богатыря» [13, с. 650]. Самым привлекательным для царя становится именно это предложение. Не остаются без внимания и старшие сестры: каждой из них достается та функция, склонность к которой они озвучили. Показательно, что одноразовые действия, о которых заявляли сестры, мечтая стать царскими женами, в речи царя вдруг превращаются в постоянные обязанности в царском тереме: «Будь одна из вас ткачиха, / А другая повариха» [Там же, с. 650].

Молодую царицу ждет первая брачная ночь, старшие же сестры уже трудятся в тереме, и этот труд безрадостен:

В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха,
И завидуют оне
Государевой жене.

[Там же]

Царь уезжает на войну, царица в его отсутствие производит на свет сына, повариха с ткачихой стремятся сжить со свету младшую сестру и новорожденного племянника. Обращает на себя внимание следующее: начиная с момента превращения старших сестер в антагонисток, о труде завистниц в сказке больше не говорится. Так происходит смена их функций, так физический труд, к которому их принудил царь, хотя они и имели к нему таланты, становится признаком социального различия с младшей сестрой и причиной зависти. «Под воздействием разрушительного чувства зависти старшие сестры превращаются из девиц-искусниц в злых жаб. Но зависть – не единственный

их признак. Ткачиха с поварихой хитры и коварны...» [5, с. 74].

Свояченицы государя во время визита купцов (а его сын и жена к этому моменту уже должны были погибнуть) все время находятся рядом с ним, что, видимо, свидетельствует об изменении их статуса (хотя наименования героинь остаются прежними). В их поведении может быть усмотрена как преданность царю, так и попытка контролировать его (причем второе подтверждается дальнейшим развитием сюжета):

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.

[13, с. 656]

«Сказка о рыбаке и рыбке» начинается с упоминания о мирной семейной жизни старика и старухи, их труд свидетельствует о царящем согласии: «Старик ловил неводом рыбу, / Старуха пряла свою пряжу» [Там же, с. 673]. Корыто (а это орудие труда использовалось в крестьянском быту и для приготовления пищи, и для кормления скота, и для стирки) становится камнем преткновения. С него начинаются разногласия в семье, как только появляется возможность улучшить бытовые условия. Старуха упрекает старика, не сумевшего извлечь пользу из своего доброго поступка: «Хоть бы взял ты с нее корыто, / Наше-то совсем расколосось» [Там же, с. 673]. Вслед за корытом старуха требует и получает от золотой рыбки избу. «Поскольку корыто было только для старухи, то и изба мыслится для корыстолюбивой старухи как своя собственная» [18, с. 59].

Затем изменяется по ее требованию и социальный статус: сначала

старуха становится «столбовою дворянкой», после – «вольною царицей». Изменению статуса сопутствуют и перемены в поведении: старуха больше не трудится. Напротив, ведет праздный образ жизни: как столбовая дворянка сидит на крыльце, ей прислуживают слуги, а своего старика героиня отправляет служить на конюшню, как вольная царица – пирует в царских палатах и прогоняет старика прочь. Т.В. Зуева отмечала: «Необычно для фольклора сюжетная канва развивается вокруг антигероя, который поставлен в необычные <...> условия: в исполнении его желаний нет препятствий. Этим спровоцировано его самораскрытие: оказывается, и желаниям нет предела» [5, с. 114].

Но ее последнее желание – стать владычицей морскою – остается несуществленным: старуха лишается всего того, что было даровано золотой рыбкой. Заканчивается сказка так: «Не дождался, к старухе воротился – / Глядь: опять перед ним землянка; / На пороге сидит его старуха, / А перед нею разбитое корыто» [13, с. 678]. Показательно, что старуха в финале не прядет, как это происходит в начале сказки (т.е. лада в семье нет), а сидит рядом с корытом. Утрата душевного мира – вот наказание, которое получила старуха, и символом наказания становится разбитое корыто.

Для сравнения приведем русскую народную сказку «Золотая рыбка», записанную в 2010 г. от потомков русских эмигрантов в п. Энхэ (Внутренняя Монголия КНР). Старуха изъявляет желание стать «начальником в реке». Старик, вернувшись домой, видит следующую картину: «Это старушка, ей эта многое, многое надо. <...> Она эта, недовольная как будто» [7, с. 50] (555 *Коток золотой лобок*

(золотая рыбка, чудесное дерево)). Так в русской сказке, записанной в начале XXI в., существенно сокращена сюжетная линия, однако финал сказки остается неизменным: старик «домой пришел. Вся опять, всё старая изба. Одна вот эта ванна там стоит» [7, с. 50].

В «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» четыре упоминаемых женских образа: обе царицы, Чернавка, царевна. Мотив женского труда связан лишь с последним из них. Показательно, что возникает эта связь только тогда, когда героиня оказывается далеко от дома и от ее действий зависит дальнейшая судьба царевны. О женском труде героини в царском тереме даже не упоминается. Оказавшись же в светлой горнице лесного терема, героиня видит, «что тут / Люди добрые живут» [13, с. 682]. Верно оценив обстановку, царевна понимает: здесь ее никто не обидит. И затем пытается сообщить о своем присутствии хозяевам дома на понятном им языке – языке созидания, домашнего уюта, после чего прячется от хозяев. Т.В. Зуева обращает внимание на воспитанный у царевны важный для традиционного русского восприятия навык: «В этой избе царевна чувствует себя так же уверенно, как любая крестьянская девушка; она сразу принимается за дело и только потом позволяет себе отдохнуть» [5, с. 102].

Значимо и такое действие, как зажигание перед иконой свечи. Оно символизирует о наличии в доме своего – единоверца:

Дом царевна обошла,
Все порядком убрала,
Засветила Богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

[13, с. 682]

Т.М. Ляшенко связывает труд царевны с мотивом инициации: «Свою инициацию царевна проходит в окружении мужчин <...>. Пушкинская царевна демонстрирует свои навыки ведения хозяйства, а мужчины оценивают ее мастерство» [8, с. 41].

Вернувшиеся богатыри удивляются: «Что за диво! / Все так чисто и красиво. / Кто-то терем прибирал / Да хозяев подждал» [13, с. 682]. После они произносят традиционную для народной сказки формулу установления родства: если незванный гость – мужчина, то он станет им дядей или братцем, если женщина – матерью или сестрицей. Лишь после этого заверения царевна обнаруживает себя. Показательно, что для А.С. Пушкина важны в женском характере и навык трудолюбия, и умение ладить с людьми: «А хозяйшкой она / В терему меж тем одна / Приберет и приготовит, / Им она не прекословит...» [Там же, с. 683].

Кроме двух обозначенных навыков – прибрать дом и приготовить пищу – царевна обучена и рукоделию. Этот мотив упоминается, когда царица-мачеха, переодетая нищей черницей, приходит к лесному терему: «Раз царевна молодая, / Милых братьев поджидая, / Пряла, сидя под окном» [Там же, с. 685]. А.В. Бадестова и И.О. Попова относят прядение к числу навыков знатного происхождения героини [2, с. 73]. Это предположение может быть подтверждено следующим образом: частью женского образования в Древней Руси считалось «рукодельное искусство. <...> Женщины сами пряли, ткали, вязали, красили, вышивали... Во главе рукодельных “светлиц” непременно должна была стоять сама хозяйка дома...» [6, с. 89].

Итак, в русских народных волшебных сказках и сказках А.С. Пушкина изображен труд и девушек на выданье, и замужних женщин. Реже в народных сказках упоминаются трудовые навыки девочек. Проанализированные фольклорные тексты и авторские произведения транслируют традиционные представления о труде как о поддерживающей жизнь и созидающей естественной потребности, основной форме деятельности здорового человека. Основополагающее положительное восприятие труда как ценности в традиционном сознании связано не с затрачиваемыми усилиями, а с результатом, к которому они приводят. Особую значимость трудовые навыки имеют в критических, жизненно важных ситуациях.

В традиционной системе представлений о женском труде, реализованной в рассмотренном материале, труд имеет градацию по полу и возрасту; в разновидностях труда может наличествовать или отсутствовать отнесенность к различным социальным классам, чаще труд привязан к локусу дома, труд может быть по силам или непосильным (при этом отсутствует понятие об унижительном труде), по найму или связанным с удовлетворением нужд семьи. Таким образом, и в фольклорных текстах, и в авторских сказках А.С. Пушкина реализуется система традиционных представлений русского народа о женском труде.

Наличие трудового навыка, изображение женского труда в его про-

цессе – это признаки положительных женских образов. Исследованный материал показывает, что представления о женском труде и связанные с ним мотивы могут быть как сюжетообразующими и значимыми для создания женских образов, так и второстепенными. Однако и те, и другие важны для создания русской традиционной картины мира и в народной, и в авторской сказке. Обращение к региональным текстам свидетельствует о наличии целостной системы представлений о женском труде, присущей русскому народу.

Особое поле реализации традиционных представлений явили собой сказки А.С. Пушкина. Написанные на основе фольклорных произведений, они в своем роде становятся и особой формой реализации и интерпретации народных сюжетов, и транслятором традиционных духовных ценностей. Полученные в результате обращения в рамках одной статьи к материалу и народной, и авторской сказки выводы могут способствовать возникновению у подрастающего поколения осознания преемственности русской литературы, единства и неоспоримости традиционных духовных ценностей, что передают фольклор и достойные образцы русской литературы. Сказки А.С. Пушкина готовят читателя к восприятию русской литературы уже других, более сложных, жанров, являя общность духовно-нравственных ценностей фольклора и литературы.

Библиографический список

1. *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки. Вып. V. М., 1861. URL: <https://nsrnm.org/wp-content/uploads/2022/07/Александр-Афанасьев-Народные-русские-сказки.pdf> (дата обращения: 29.02.2024).
2. *Бадестова А.В., Попова И.О.* Культурологический анализ персонажей немецкой волшебной сказки «Белоснежка» и «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях»

- А.С. Пушкина // Вестник Якутского государственного университета. 2007. Т. 4. № 3. С. 72–76.
3. *Белинский В.Г.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1. М., 1976.
 4. *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М., 2000.
 5. *Зуева Т.В.* Сказки А.С. Пушкина: книга для учителя. М., 1989.
 6. *Кайдаш С.* Сила слабых. Женщины в истории России (XI–XIX вв.). М., 1989.
 7. *Кляус В.Л.* Русский фольклор на сопках Маньчжурии. Исследования, тексты, комментарии. М., 2022.
 8. *Ляшенко Т.М.* Инициация мертвой царевны: архетипическое содержание «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» // Пушкинские чтения: сборник научных работ по итогам Международной научно-практической конференции. «XXVIII Пушкинские чтения». М., 2019. С. 38–43.
 9. *Мухина З.З.* Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М., 2012.
 10. *Неёлов Е.М.* О жанровом содержании «Сказки о царе Салтане» А.С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 149–162.
 11. *Непомнящий В.* Поэзия и судьба. Статьи и заметки о Пушкине. М., 1983.
 12. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. Л., 1977.
 13. *Пушкин А.С.* Стихотворения. Поэмы. Сказки. М., 1977.
 14. Русские сказки Забайкалья / сост. В.П. Зиновьев. Иркутск, 1983.
 15. Русские сказки. Из сборника А.Н. Афанасьева. М., 1987.
 16. Сказки Водлозерья / сост. А.С. Лызлова. Петрозаводск, 2013.
 17. Сказки Дмитрия Асламова / сост. Е.И. Шастина. Иркутск, 1991.
 18. *Сорокин А.А.* К вопросу о проблематике «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина: мифофилософский подтекст // Современное есениноведение. 2018. № 4 (47). С. 56–60.
 19. *Толстой А.Н.* Сказки. М., 1985.
 20. У ключика у гремучего: Дальневосточный фольклор / сост. Л. Свиридова. Владивосток, 1989.
 21. *Шамаева С.Е.* Апология сказки. Воронеж, 1996.

References

1. Afanasyev A.N. Narodnye russkie skazki [Russian folk tales]. Issue V. Moscow, 1861. URL: <https://nsrnm.org/wp-content/uploads/2022/07/Aleksandr-Afanasyev-Narodnye-russkie-skazki.pdf>
2. Badestova A.V., Popova I.O. Culturological analysis of the characters of the German fairy tale “Snow White” and “The Tale of the Dead Princess and the Seven Knights” by A.S. Pushkin. *Vestnik Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007. Vol. 4. No. 3. Pp. 72–76. (In Rus.)
3. Belinsky V.G. Sobraenie sochineniy: v 9 t. [Works in 9 vols.]. Vol. 1. Moscow, 1976. Pp. 469–471.
4. Gromyko M.M., Buganov A.V. O vozzreniyah russkogo naroda [On the views of the Russian people]. Moscow, 2000.
5. Zueva T.V. Skazki A.S. Pushkina. Kniga dlya uchitelya [Tales of A.S. Pushkin. Teacher’s book]. Moscow, 1989.
6. Kajdash S. Sila slabyykh. Zhenshchiny v istorii Rossii (XI–XIX vv.) [The strength of the weak. Women in the history of Russia (XI–XIX centuries)]. Moscow, 1989.
7. Klyaus V.L. Russkij folklor na sopkah Manchzhurii. Issledovaniya, teksty, kommentarii [Russian folklore on the hills of Manchuria. Research, texts, comments]. Moscow, 2022.
8. Lyashenko T.M. Initiation of the Dead Princess: Archetypal content of “The Tale of the Dead Princess and the Seven Knights”. *Pushkinskie chteniya: sbornik nauchnykh rabot po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. «XXVIII Pushkinskie chteniya». Moscow, 2019. Pp. 38–43. (In Rus.)
9. Muhina Z.Z. Semejnny byt i povsednevnost krestyan Kurskoj gubernii: tradicii i dinamika peremen v poreformennoj Rossii [Family life and everyday life of peasants of the Kursk province: Traditions and dynamics of change in post-reform Russia]. Moscow, 2012.

10. Neyolov E.M. On the genre content of “The Tale of Tsar Saltan” by A.S. Pushkin. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 2001. No. 6. Pp. 149–162. (In Rus.)
11. Nepomnyashchy V. Poeziya i sudba. Stati i zametki o Pushkine [Poetry and fate. Articles and notes about Pushkin]. Moscow, 1983.
12. Pushkin A.S. Polnoye sobranie sochineniy: v 10 t. [Complete collection of works in 10 vols.]. Vol. 4. Leningrad, 1977.
13. Pushkin A.S. Stihotvoreniya. Poemy. Skazki [Poetry. Poems. Fairy tales]. Moscow, 1977.
14. Russkie skazki Zabajkalya [Russian fairy tales of Transbaikal]. V.P. Zinovyev (compil.). Irkutsk, 1983.
15. Russkie skazki. Iz sbornika A.N. Afanaseva [Russian fairy tales. From A.N. Aphanasyev collection]. Moscow, 1987.
16. Skazki Voldozerya [Tales of Vodlozerye]. A.S. Lyzlova (compil.). Petrozavodsk, 2013.
17. Skazki Dmitriya Aslamova [Fairy tales by Dimitry Aslamov]. E.I. Shastina (compil.). Irkutsk, 1991. (In Rus.)
18. Sorokin A.A. On the issue of “Tale of the Fisherman and the Fish” by A.S. Pushkin: Mythological and philosophical implications. *Sovremennoe eseninovedenie*. 2018. No. 4 (47). Pp. 56–60. (In Rus.)
19. Tolstoy A.N. Skazki [Fairy tales]. Moscow, 1985.
20. U klyuchika u gremuchego: Dalnevostochnyj folklor [At the rattling key: Far Eastern folklore]. L. Sviridova (compil.). Vladivostok, 1989.
21. Shamaeva S.E. Apologiya skazki [Apology of a fairy tale]. Voronezh, 1996.

Статья поступила в редакцию 10.03.2024, принята к публикации 25.04.2024
The article was received on 10.03.2024, accepted for publication 25.04.2024

Сведения об авторе / About the author

Краюшкина Татьяна Владимировна – доктор филологических наук; заведующий, главный научный сотрудник Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток

Tatiana V. Krayushkina – ScD in Philology; the Department Head, chief research Fellow at the Center for the History of Culture and Intercultural Communications, the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences Institute of History, Archeology and Ethnology, Vladivostok

E-mail: krayushkina@ihaefe.ru